

В ОДНОМ газетном фельетоне очень живо описывалось, как молодые ребята-туристы в вагоне электрички

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Михаил ЛЬВОВСКИЙ

С Л О В О

привели в смятение пассажиров своим репертуаром. Сначала все шло хорошо: спели «Глобус», «Бригантину», но потом...

«Лохматый парень в рваной штормовке, надетой прямо на голое тело, с кокетливо повязанной на шею девичьей косыночкой стал с чувством выводить какую-то белиберду. «Блатную лирику» под гитару сменила лихая песня о кузнечике коленками назад, о каком-то «Афанасии восьмь на семь».

Автор фельетона — мастер спорта М. Азарх — приходит к обычному в этих случаях выводу: мало молодежных туристских песен. Поэты и композиторы, разъясняясь М. Азарх, чересчур увлеклись сочинением «походно-привальных» для ребят младшего и среднего школьного возраста, а тех, кто постарше, обделили.

Охотно соглашаясь с тем, что у нас не хватает туристских, студенческих, любовно-лирических, шуточных и всяких других песен, и клятвенно обещая заполнить очередную брешь, дабы в нее не прорвались «суррогаты», мы гораздо реже признаемся в том, что десятки новых песен такого «специального» назначения никто петь не хочет. Забывая о них, мы снова нападаем на «суррогаты» и произносим привычное: «свято место пусто не бывает».

А может быть, стоит присмотреться к «суррогатам», чтобы точнее определить «свято место»? Что если безымянные авторы, пусть грубо, неумело, порой безграмотно, но удовлетворяют какие-то законные, но не угаданные нами требования молодежи?

В начале своего фельетона М. Азарх цитирует песенку «Глобус», которая ему нравится. Он даже называет ее гимном туристов. Вспоминает и знаменитую «Бригантину». Она ему тоже нравится. Но ведь и «Глобус» и «Бригантина» по своему происхождению и образу песенной жизни принадлежат как раз к той категории песен, которые принято считать суррогатами. Думается, что мы имеем право это утверждать, тем более, что первые шестнадцать строк «Глобуса» в 1947 году сочинил один из авторов этой статьи (М. Львовский), а «Бригантину» еще до войны — поэт Павел Коган, с которым ему довелось дружить.

«Глобус» написан пятнадцать лет назад для дипломного спектакля ГИТИСа «Старые друзья». Студенты потребовали, чтобы песенка пелась на мелодию «Шоферши», в конце тридцатых годов сочиненной талантливым Яном Сашиним:

Ваш гараж неподалеку, прямо,
Он меня к себе привлекает упрямо,
По заборам я, голуба, лазаю,
Чтобы видеть вас, голубоглазую.

Не правда ли, похоже на белиберду? Но дело в том, что песня Сашина была пародией. Она пародировала припев иронической песенки М. Светлова «И тогда под звуки мандолины мы уйдем с тобой в туман долины...».

Ироническая песенка и пародия на нее — вот истоки «Глобуса». И поэтому в «Глобусе» нет авторских «насупленных бровей», демонстративно отсутствует почтение к параллелям и меридианам земного шара, что импонирует туристам: «И мелькают города и страны, параллели и меридианы».

В первой же строфе: «Глобус крутится, вертится, словно шар голубой» предлагается хорошо знакомый, но не очень понятный «шар голубой» соединить в своем воображении с глобусом. Задача на тонкость восприятия! Лохматому парню с гитарой оказано доверие. И, конечно же, он воспринимает поставленную задачу как своеобразный «пароль», свидетельствующий о том, что

песня «своя», что в ней будет какой-то подтекст, который ему доверено вскрыть.

«Пароль» и подтекст перешли в «Глобус» по наследству, как отказку песен Светлова и Сашина — поэтов, понимавших, что без этих качеств подобные песни не живут.

Знают это и авторы многих суррогатов. Слушая в вагоне электрички бессмысленную «Афанасий восьмь на семь», пассажиры могли заметить, что все поющие при этом упивались общностью своего отношения к бессмыслице, а не собственно бессмыслицей. Подобные песни, как бы они ни были плохи, всегда написаны с расчетом на то, что поющие, разоблачая все их несурразности, получают удовольствие от постижения характерности их героев. Способность получать такое удовольствие возвышает, а не унижает поющих, и поэтому они победоносно поглядывают на окружающих, поскольку, по их гордому убеждению, окружающие не чувствуют подтекста, не знают «пароля».

А «Бригантина»? В свое время поэту Павлу Когану здорово доставалось за «капитана, обветренного, как скалы». Еще бы: отход от жизни в сомнительную экзотику, стивенсоновщина, гумилевщина, гриновщина, духок «Смурлых Джонов» и песенки Изы Кремер. Но ведь «Бригантина» тоже песня с паролем и подтекстом. Не мог Павел Коган, поэт-комсомолец, написавший о том, что «мальчики иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков», вдрут ни с того ни с сего писать всерьез:

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза,
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса.

Подозрительно пышно для такого поэта, каким был Павел Коган. Но ведь «флибустьерский» арсенал — это «пароль», по которому поэт предлагал сверстникам, читавшим в детстве Майн Рида и Буссенара, узнать «своего». А песня призывала не изменять романтике детства в главном, в том, что им еще предстоит совершить.

«Бригантину» поют вот уже более двадцати лет — «пароль» действует точно и до сих пор. А недавно на целине вырос пока еще палаточный город — МАИстрой, который студенты называли «Бригантина».

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «бытовая» песня, как известно, жанр в своем роде единственный. Чтобы насладиться до конца «бытовой» песней, человек должен непременно стать ее исполнителем. Чаще всего это происходит в компании. Т. е., в составе импровизированного хора. Поэтому-то одно из главных требований искусства — объединение людей — в бытовой песне осуществляется наиболее непосредственно.

Для выполнения этой важнейшей жанровой задачи песня и пользуется «паролем». А ведь если песня не может непосредственно объединить людей — она не песня.

Лохматый парень с гитарой пел не только «Глобус», «Бригантину», блатные песни и «Афанасия». Он любит и «Песню о тревожной молодости», о чем свидетельствует автор фельетона. Мы уверены, ему нравятся и «Подмосковные вечера», и «Песня юных спартаковцев», и «Гимн демократической молодежи», и многие другие песни с самым широким адресом, гражданский пафос которых или их высокий лиризм так объединяют поющих, что у них и пароля не спрашивают. Превосходных песен «высоких» жанров у нас немало. Но сколько бы их ни было, они не заполнят ту брешь, в которую просочился «Афанасий». «Суррогаты» пристраиваются вслед за «Глобусом» и «Бригантиной», выбывая из этого ряда десятки профессиональных «туристских-поход-

ных», «шуточных-лирических», «весенних-студенческих» и т. д., которые из-за отсутствия «пароля» вынуждены доказывать, что они «свои».

А может быть, надо стремиться к созданию песен только высоких жанров?

Вся история бытовой песни, ее специфика отвергают подобное предположение, т. е. стремление песни служить народу во всех случаях жизни — ее другая жанровая особенность.

Наша песня умеет быть серьезной. А вот быть остроумным, занимательным, богатым на выдумку спутником ей удастся не часто. В самом деле, те задачи на «особенность» восприятия, которые задают «Глобус» и «Бригантина», робки по сравнению с предлагающимися в некоторых суррогатах. «Кузнечик — коленками назад» — тонкий и очень меткий зрительный образ. «Ко мне подходит санитарка» поется в «Афанасии», а дальше следуют скобки и в тексте и в музыке («Звать Тамаркой»). Такой прием проводится через всю песню: «Срублю я домик (восьмь на семь)» и т. д. И это помимо иронической языковой характеристики персонажа, от имени которого ведется рассказ, вполне достаточно «работы» для лохматого парня с гитарой. От подтекста недалеко до роли, образа. И вот уже лохматый парень в рваной штормовке надевает на шею девичью косынку, потому что он исполнитель, актер.

Так «Афанасий», несмотря на всю его пошлость, стал своеобразным остро-характерным «амплуа», причем амплуа постоянным, т. е. таким, для которого сочиняются все новые и новые тексты.

Дает ли остро-характерный материал какая-нибудь «шуточная-лирическая»? Чаще всего не дает. Ее авторы либо сочиняют вту «шуточную», пользуясь приемами песен «высоких» жанров, лишив свое произведение характеристики, либо берут характерность из арсенала «парней с гармошками».

Песня-роль, даже песня-спектакль традиционны для русской народной песни. «Летят утки и два гуся, кого люблю, не дожуся» — блистательно не потому, что эти строки сами по себе таят поэтический смысл. Позиция — в образе девушки, которая могла так сказать.

«Из-за острова на стрежень» — это уже песня-спектакль, где не одна роль, а несколько, включая Фильку-черта, который как и положено статисту, не произносит ни одного слова. Вспомните, как поют эту песню старики: «На переднем Стенька Разин» — играют Разина, развалившегося на персидском ковре. «Свадьбу новую справляет» — играют всю загулявшую волюницу.

Лучшие советские поэты-песенники в свое время создали блистательные характерные песни-роли: «В каждой строчке только точки, догадайся, мол, сама...» (Михаил Исаковский). «Почему я подвозов» (Лебедев-Кумач). «У меня такой характер» (Долматовский).

Однако с каждым годом песен-ролей появлялось все меньше и меньше. К ним установилось неправильное отношение. Критики впрямую искали «поэтичность» в каждой строчке, не желая улавливать подтекст. Вместо того, чтобы заметить и поддержать такое всегда радостное в искусстве событие, как появление в русле старинных традиций новых качеств, критики обрушились именно на эти новые качества. Так, сетуя по поводу нехватки монументальных маршевых произведений для хора (в них-то как раз мы недостатка в те годы не испытывали), критики писали с огорчением, что появилось слишком много всяких свадебных, застольных, студенческих, любовных и тому подобных песенок. Иными словами, они рубили бытовую песню под корень, не заме-